

Глава первая
**ПОЯВЛЕНИЕ
ДЕВОЧКИ КАТИ**

В Простоквашино лето пришло.

А так как про Простоквашино много в газетах писали и в кино показывали, оно стало модным курортом.

На берегу речки Простоквашки люди ставили машины, палатки, разводили костры.

Кот Матроскин всё переживал:

— Мы сюда приехали, чтобы тихо на природе жить. А тут шумят сейчас больше, чем в городе. Если так дальше

пойдёт, нам снова придётся в город переезжать. Летом в городе тише, наверное.

А Шарик ничего не переживал. Он со своим фоторужьём по всем интересным местам носился. Он все палатки обегал, все дачи, все коттеджи и пляжи и приносил целые горы фотографий. Особенно у него хорошо природа получалась, пейзажи русские.

Однажды Матроскин решил:

— Что это его фотографии просто так пропадают? Надо наладить выпуск поздравительных открыток или календарей.

И он стал эти открытки и календари в сельской школьной типографии печатать и в местном ларьке продавать.

Раньше в этом ларьке была сапожная мастерская. Потом она сгорела. Потом там «Пиво—воды» разместились. Они тоже сгорели. Потом, в самое бедное время, в нём сельсовет находился. И он, бедный, тоже сгорел. Потом в ларьке клуб был для молодёжи. Вы будете смеяться, но и клуб сгорел.

И вот кот Матроскин взял в аренду эту горящую точку.

Качество открыток было не самое лучшее, но всё равно люди с удовольствием их покупали.

Вместе с открытками Матроскин ещё и сметану продавал, и молоко по утрам. Так что он был вполне преуспевающий новый сельский русский.

Шарик из фоторужья не мог людей фотографировать, они пугались. Поэтому он всё больше природу запечатлевал.

Но иногда на его фотографиях и люди попадались. Одна фотография потрясла дядю Фёдора. Дядя Фёдор долго её рассматривал.

Это была фотография незнакомой девочки. Ну совсем Барби! Хотя это была не Барби, а обыкновенная девочка Катя. Просто она приехала из Америки. Там её папа работал — родной брат профессора Сёмина.

Дядя Фёдор так долго смотрел на фотографию, что кот Матроскин забеспокоился. Он говорит Шарiku:

— Дядя Фёдор, кажется, влюбился.
Мы его можем потерять. Только этого
нам не хватало.

Шарик говорит:

— Подумаешь, влюбился! Если бы он заболел, мы бы могли его в больнице потерять. А так ничего с ним не случится.

Матроскин не согласен:

— Много ты понимаешь! Как начнёт он с этой девочкой дружить! Будет с ней гулять, цветочки подносить, на тракторе кататься, про нас и забудет.

— Ну и пусть они дружат, — говорит Шарик. — Настоящая дружба ещё никому не мешала.

— Да? — кричит Матроскин. — А как эта дружба в любовь перейдёт! А как они женятся лет через десять! А как у них дети пойдут! Много у него времени для дружбы с тобой останется?

Такой перспективы даже Шарик испугался. И загрустил.

Как раз в это время дядя Фёдор стал одеваться на прогулку. Матроскин подумал: «Если он будет сильно наряжаться, умываться, причёсываться, значит, влюбился. Если оденется кое-как, во всё старое, значит, всё в порядке. Можно не беспокоиться».

Дядя Фёдор и умылся, и причесался, и новую матроску надел. Совсем выставочным ребёнком сделался. Значит, дела — хуже некуда.

Он вывел из сарая тр-тр Митю, накормил его вчерашним молочным супом и сегодняшним творогом и завёл.

Матроскин подошёл к дяде Фёдору и спрашивает:

— Далёко ли ты, дядя Фёдор, собрался?

Дядя Фёдор сказал первое, что в голову пришло: